

**Б. И. Сидоренко,
А. Ф. Свиб**

**ПРАВО ВОЙНЫ ВО
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ
ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ВЕЛИКОГО
КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО
И МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА
В КОНЦЕ XV – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI В.В.**

Сидоренко Борис Игоревич – кандидат исторических наук, доцент кафедры общей теории права и гуманитарных дисциплин Частного учреждения образования «БИП-Институт правоведения» (Могилевский филиал). Автор более 150 публикаций и 120 научных статей, в том числе 3-х монографий, учебного пособия и 4-х разделов коллективной монографии, по истории Беларуси и России, Могилева и Могилевщины.

Свиб Анжелика Феликсовна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой общей теории права и гуманитарных дисциплин Частного учреждения образования «БИП-Институт правоведения» (Могилевский филиал). Автор около 40 публикаций, включая научные и научно-методические статьи, тезисы научных статей, курсы лекций, книги и монографии.

Политика и война представляют собой два самых мощных общественных процесса в классовой формации, заметно активизирующихся на стадии образования европейских национальных государств и их правовых отраслей и институтов. Взаимоотношения Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ) с Московским государством в конце XV и в течение первых трех десятилетий XVI века не являются исключением.

Формирование государственной территории этих крупнейших средневековых держав Восточной Европы сопровождалось последовательным усилением внешнеполитических факторов развития для каждой из них. По меткому замечанию В. О. Ключевского, за неполное столетие (с 1492 по 1582 гг.) по меньшей мере 40 лет приходится на войны между Вильно и Москвой¹. Эти войны получили достаточно полное отражение в современной белорусской² и российской историографии³ с учетом последних концептуальных новаций. Между тем, в сопутствующей внешнеполитической сфере правовой аспект по-прежнему остается малоисследованной страницей межгосударственных отношений. О том, какими нормативно-правовыми принципами, обусловленными войной, всем тем, что принято называть «правом войны», руководствовались враждующие стороны на полях сражений, и пойдет речь в данной статье.

Войны между ВКЛ и Московским государством (1492–1494, 1500–1503, 1507–1508, 1512–1522, 1534–1537 гг.)⁴, инициатором которых выступала Москва, можно рассматривать как средство восстановления нарушенных и выяснения спорных правоотношений, т. е. как юридический процесс между государствами. В тех условиях это были владетельные права Ивана III (1462–1505 гг.) и Василия III (1505–1533 гг.), выступавшие в форме территориальных притязаний к Александру Казимировичу (1492–1506 гг.) и Сигизмунду I (1506–1548 гг.) как суверенам ВКЛ. В этом смысле войны, которые велись в защиту владетельного права с точки зрения Москвы, можно считать справедливыми, тем более что широкие рамки «естественного права» предоставляли возможность включить любую войну в разряд справедливых. Под экспансионистскую внешнюю политику Москвы было подведено юридическое обоснование, вполне отвечавшее духу времени. И ВКЛ, и Московское государство сформировались на землях Древней Руси и выступали ее естественными преемниками; к концу XV века эти земли в примерно равных половинах оказались во владениях Ягеллонов и московской ветви Рюриковичей. Однако на древнерусских землях и на землях Московского государства Рюриковичи являлись автохтонной династией, и к господствующей здесь конфессии принадлежало подавляющее население ВКЛ, тогда как Ягеллоны были католиками, по династической унии еще и польскими королями и противниками славяно-православной традиции.

Успехи объединительной политики Ивана III, постепенная ликвидация удельной системы, присоединение к Москве Новгорода (1478 г.), Твери (1485 г.), ликвидация монголо-татарского ига (1480 г.), утверждение Московского государства в качестве единственного независимого центра православия после падения Константинополя (1453 г.) и турецких захватов на Балканах выглядели

¹ Ключевский В. О. Курс русской истории. С. 111.

² Сидоренко Б. И. Современная белорусская историография «русско-литовских» войн...

³ Сидоренко Б. И. Современная российская историография «русско-литовских» войн...

⁴ Сідарэнка Б. І. Усходняя палітыка ВКЛ у першай трэці XVI стагоддзя. С. 40.

знаковыми событиями европейской истории. Под воздействием этих успехов Москва открыто стала претендовать на все древнерусское наследие. Московские дипломаты от имени Ивана III и Василия III на переговорах с представителями ВКЛ не раз отмечали, что «... короли Владислав и Александр отчичи Польского королевства и Литовской земли от своих предков, а Русская земля от наших предков из старины наша отчина», «... Киев, Полтеск, Витебск и иные города государя нашего отчину Жигимонт король держит за собой неправдою», и если великий князь литовский «... похочет с нашим государем любви и братства, и он бы государю нашему отчины на Русские земли всей поступился»¹. Первоначально в понятие «отчины» вкладывался этнографический и историко-политический смысл², что выглядело типично для средневековой патримониальной идеологии, не проводившей различия между родовой собственностью и государственной территорией³. Претензии на все русские земли со стороны московских князей автоматически выдвигали вопрос о титуле главы Московского государства. Иван III впервые стал именоваться «государь всея Руси», между этим именем и титулом «великий князь московский» лежала дистанция огромного размера⁴. Государственная внешнеполитическая традиция ВКЛ отрицала титул «государь всея Руси» за московским князем, по сути дела не признавала политического единства Руси, а владениям Ивана III отводила пределы Московского княжества, зафиксированного договором 1449 г. между Казимиром и Василием Темным⁵.

И В МОСКВЕ, И В ВИЛЬНО ПРАВОМЕРНОСТЬ ВОЙНЫ, В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВЫЗВАВШИХ ЕЕ ПРИЧИН, ОПРАВДЫВАЛАСЬ ССЫЛКОЙ НА СОВЕРШЕННОЕ ПРОТИВНИКОМ ПРАВОНАРУШЕНИЕ, ОДНАКО, КАКИМИ БЫ НИ БЫЛИ ПРИЧИНЫ ВОЙНЫ, ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И ПРИМЕНЯЕМОЕ К НЕЙ «ПРАВО ВОЙНЫ» С ОБЕИХ СТОРОН ЯВЛЯЛИСЬ ОДИНАКОВЫМИ

Напротив, московская традиция через провозглашенную вотчинно-династическую теорию оправдывала активную наступательную политику экстенсивно развивающегося традиционного земледельческого сообщества по деспотической государственно-политической модели. В этой связи война как правообразующая сфера признана пересмотреть сложившуюся систему юридических взаимоотношений между государствами. Власть, собственность, территория – вот предмет правоотношений двух противоборствующих сторон. Все, что есть на принадлежащей им территории, считали московские Рюриковичи, – деревни и города, пашни, леса и сеножати, речные и сухопутные

¹ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. С. 354, 460, 381.

² Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. С. 509, 540.

³ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения... С. 17–18.

⁴ Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений... С. 101–105.

⁵ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. С. 160–162.

пути – принадлежали им, в том числе по той или иной степени зависимости и обитающие на этой земле люди. В ВКЛ же укреплялось сознание, что великий князь считается господином в государстве в политическом отношении, но не в отношении собственности. Вместе с тем и в Москве, и в Вильно правомерность войны, в зависимости от вызвавших ее причин, оправдывалась ссылкой на совершенное противником правонарушение, однако, какими бы ни были причины войны, ее последствия и применяемое к ней «право войны» с обеих сторон являлись одинаковыми.

Политическое руководство в ВКЛ и Московском государстве к началу XVI века закрепилось в руках земельного класса. Три элемента его культуры были благоприятны для войны. Во-первых, этот феодальный класс с давних времен был военизирован, культивировал в себе военные доблести и видел в войне естественную реализацию своего предназначения и потенциала. Во-вторых, этот класс культивировал понятие сословной чести и поединка как способа ее защиты. Помимо укоренившихся стереотипов поведения у земельного класса имелись и реальные интересы, защита которых предполагала контроль над территорией, поскольку реальной ценностью для феодала было земельное владение¹.

Уже отмечалось, что ВКЛ и Московское государство сложились преимущественно на восточнославянской древнерусской основе и, следовательно, юридическую военную этику унаследовали еще с раннефеодального периода. «Короче говоря, – писал Марк Блок, – повсюду судьба юридического наследия предыдущего периода зависела от одного авторитета-обычая, единственного в то время живого источника права, и государи, издавая законы, старались только по-своему его толковать». «Действительно, всякий человеческий коллектив, – продолжал историк, – велик он или мал, очерчена ли его территория точными границами или нет, стремится установить свою собственную юридическую традицию, вплоть до того, что в зависимости от различных аспектов деятельности человек переходит из одной такой правовой зоны в другую»².

Обычай и правовые принципы, лежащие в основе юридической традиции феодального класса ВКЛ и Московского государства, были общими и восходили к военным обычаям, сложившимся еще в Древней Руси и даже в варварской эпохе. Они представляли систему постулатов, на основе которых постепенно сформировался милитаристский менталитет и военная этика сначала дружинного сословия, а затем и всего военизированного землевладельческого класса. Наиболее архаичное представление о войне как о выяснении спорных правоотношений покоилось на стереотипе, что правовые споры могут и должны решаться путем физического состязания с оружием в руках, причем такое состязание все больше приобретало индивидуализированную форму. Тмутараканский и

¹ Кустарев А. Война после войны. С. 36.

² Блок Марк. Апология истории или ремесло историка. С. 172–173.

черниговский князь Мстислав Владимирович (?–1034 г.) услышал накануне битвы 1022 г. с касогами от их предводителя Редеди такое предложение: «Чего ради погубим дружины? Но сойдемся, чтобы побороться самим. Если одолеешь ты, возьмешь богатства мои, и жену мою, и детей моих, и землю мою»¹. Поединки имели место в Невской (1240 г.) и Куликовской (1380 г.) битвах, закончить военный спор поединком призывал Стефан Баторий Ивана Грозного. Европейские народы в период великих географических открытий находили такую форму правоотношений у первобытных племен Азии и Америки. Интересны факты проявления своеобразного военного аборигенного менталитета у чукчей. В преддверии сражения с русскими чукчи даже при большом численном превосходстве выделяли для боя такое же число воинов, какое было у противника: действовали каноны богатырских поединков².

Прекращение прежних правоотношений между странами, как правило, не могло происходить без уведомления. Святослав Игоревич (?–972 г.) накануне нападения, согласно летописи, «... посылал в иные земли со словами: “Хочу на вас идти”»³. Зять шведского короля Ярл Биргер в 1240 г. «... пришел в Неву, опьяненный безумием, и отправил послов своих, возгордившись, в Новгород к князю Александру, говоря: “Если можешь, защищайся, ибо я уже здесь и разоряю землю твою”»⁴. Сами военные действия также подчинялись неписаным правилам. «На войну выйдя, – поучал Владимир Мономах (1053–1125 г.), – не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте, и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. <...>Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас»⁵. Война считалась прерогативой князей и дружинников, осуждались те из них, кто причинял вред мирному населению и привлекал иноплеменников-иноверцев; долгом чести считалось не только одолеть врага и изгнать его за пределы княжества, но и взять трофеи и отбить пленных⁶.

С принятием христианства происходит синтез традиционного права войны с христианской моралью. Христианская церковь в соответствии с собственной градацией начинает делить войны на праведные и дозволенные, то есть справедливые, с одной стороны, и несправедливые – с другой. Резкому осуждению были подвергнуты вооруженные столкновения между христианами. Войны, направленные против язычников, получили одобрение, учитывая тот объективный факт, что велись они тогда нередко в целях

¹ Повесть временных лет. С. 202.

² Зуев А. С. Присоединение Чукотки к России. С. 48.

³ Повесть временных лет. С. 168.

⁴ Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. С. 361.

⁵ Повести и сказания Древней Руси. С. 112–113.

⁶ Слово о полку Игореве. 800 лет: Сборник. С. 16–17.

самозащиты. Появляются воинские святые (Св. Георгий, Св. Борис и Глеб) и воинский спиритуализм. Возникает воинская мистика. Так, солнечное затмение накануне похода Игоря Святославича на половцев в 1185 г. расценивалось как предвестник неудачи; напротив, мираж, увиденный дружиной Александра Невского перед Ледовым побоищем 1242 г., рассматривался как залог победы при покровительстве высших сил. Церковь как могла стремилась гуманизировать войну: осуждалось пролитие крови во время постов, запрещалось употребление метательных снарядов, арбалетов, отравленного оружия, между христианскими народами постепенно прекращался обычай обращать пленных в рабов. Взаимосвязь традиционного военного права и христианских норм привела к утверждению сословной и космополитической, как ее принято называть, рыцарской этики, которая в сочетании с некоторыми культурными привычками военного сословия сделала возможным образование целого свода правил добропорядочной войны¹.

Эти правила достаточно прочно закрепились к исходу XV века на европейском континенте, хотя иногда вступали в вопиющие противоречия с рыцарским энтузиазмом, но в Восточной Европе они имели свои нюансы.

Здесь не было рыцарства в западноевропейском понимании этого слова. Сложившаяся во второй половине XV века в Московском государстве поместная система предоставляла основной массе служилых феодалов землю лишь в условиях владения под требование военной службы. По первому зову великого князя московского дворянское ополчение должно было собраться в условном месте «конно, людно и оружно» и бессрочно, столько, сколько этого требовала обстановка, находиться в поле, и опять же только по приказу сверху распускалось по домам. Сакрализация войны в Москве приняла гротескные формы. Только на «государевой службе» можно было достичь сколь-либо устойчивого и заметного положения в обществе, сам государь выступал как защитник всех православных христиан и в этом качестве его статус повышался православной церковью. «Так знай, боголюбец и христолюбец, – писал Василию III псковский старец Филофей, – что все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, согласно пророческим книгам, это и есть римское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать»².

В ВКЛ взаимоотношения военного класса (магнатов и шляхты) с центральной властью носили не тягловый, а правовой характер. Лишь в случае оборонительной войны великий князь литовский был уполномочен объявить сбор «посполитого рушенья», наступательная война и ее объявление требовали обязательного санкционирования сейма³. Сближение с Польшей и полонизация

¹ Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. С. 320–345.

² Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. С. 299.

³ Бычкова М. Е. Русское государство и Великое княжество Литовское... С. 162–163.

правлящего класса ВКЛ объективно сокращали сферу бытования русской культуры. Духовный мир магнатов и шляхты, принявших католичество и оставшихся в православии, значительно сблизился с рыцарской культурой, универсальной для правящих дворов стран Европы.¹ На таком историко-правовом фоне в конце XV века Вильно и Москва вступили в вооруженный конфликт.

Отъезды пограничных православных феодалов на московскую службу, участвовавшие с 70-х гг. XV века, привели сначала к многочисленным конфликтам на порубежье, которые переросли в войну 1492–1494 гг., а затем и к формированию правового пространства, на котором сложилась и вся совокупность гласных и негласных

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ВКЛ МЕДЛЕННО, НО ВЕРНО ОТТЕСНЯЛА СВОЮ ПРАВОСЛАВНУЮ ЭЛИТУ НА ВТОРОСТЕПЕННЫЕ РОЛИ, И ТА, В СВОЮ ОЧЕРЕДЬ, ОЧЕНЬ БОЛЕЗНЕННО ВОСПРИНИМАЛА НЕПРИЯТИЕ ПРЕТЕНЗИЙ НА ПЕРВЕНСТВО

правоотношений, взятых на руководство Москвой и Вильно в борьбе между собой. Православные князья, оказавшиеся в центре этих правоотношений, свой отъезд к Ивану III объясняли гонением на православие и «греческий закон», что категорически отвергалось литовской стороной. Тем не менее, правовая система ВКЛ медленно, но верно оттесняла свою православную элиту на второстепенные роли, и та, в свою очередь, очень болезненно воспринимала неприятие претензий на первенство².

Война не начиналась без объявления и вручения противнику размирных грамот, в которых подробно излагались все побудительные причины инициатора нападения. Так, война 1500–1503 гг., начатая Иваном III, мотивировалась гонением на православное население ВКЛ, склонением дочери московского государя Елены, – жены великого князя литовского Александра Казимировича, к переходу в католичество и личными просьбами некоторых православных князей перейти в подданство к Москве. «И после того, лета 7008, – сообщает Никоновская летопись, – прислал к великому князю Ивану Васильевичу бити челом князь Семен Иванович Бельский о том, чтобы его князь великий пожаловал, взял в службу и с вотчиною, а сказывает, что на них пришла великая нужда о Греческом законе: посылал де князь великий Александр к своей великой княгине о том отметлика православного веры Греческого закона Иосифа, владыку Смоленского, да бискупа Виленскаго и чернецов бернадинов, чтобы приступила к Римскому закону, да и ко всем князем Русским и к Виленским местичем, и ко всей Руси, которые держат Греческий закон, а нудя их приступити к Римскому закону... И князь великий Иван Васильевич всея Руси тое для нужи князя Семена и князя Василия принял в службу с их вотчинами, и послал от них с отказом Ивана Телешова, а с розметною послал к великому князю Александру Афана-

¹ Граля И. «Мы с вами – один народ». С. 31–35.

² Кром М. М. Православные князья в Великом княжестве Литовском в начале XVI века. С. 152.

Шеенка Вязмятина...»¹. Формальна прадстаўляўся вызначаны тэрмін для магчымага задавальнення, але гэта аб'яўлялася ўжо *post factum* і ў Хроніцы Літоўскай і Жмойтскай мы знаходзім «... прычыну такую на Літву, іж Александр, вялікі князь літоўскі, дочку яго Елене, якая была за ім, не збудоваў царквы рускай на Віленскім замку»². Асабіста гонца, прыеханага з разнастайнымі граматамі, лічылі непакараемай і абароненай ад усіх пагроз з чужой-лібо боку.

Сярэдневяковая прававая традыцыя дапускала прэвентывную вайну, атрымліваючы законныя, справядлівыя і абароняючыя асновы ў ваенскай этыцы. Так, вайна 1507–1508 гг. была пачата Масквой, як толькі стала вядома, што Віленскі сейм, сабраны ў сакавіку 1507 г., ініцыяваў збор сродкаў па дакладнай сістэме налагаблага для мабілізацыі ўзброеных сіл, а дыпламаты ВКЛ спрабуюць стварыць антымаскоўскую кааліцыю з прыцягненнем Лівонскага Ордэна і Крымскага ханства. Пачатак ваенных дзеянняў у 1512 г. таксама ішоў ад Масквы, таму што, як паведаваў Воскрэсенская летапіс «Жыхадимонт кароль Палскі ссылаецца з бесерменствам на хрысціянства, з Крымскім царем Минлигиреем, наводзіць яго на хрысціянства, на вялікага князя земля, каб цар пайшоў на вялікага князя ратую»³. Яшчэ адна прававая традыцыя сярэдневяжжя, вызначыла міжгосударственыя адносіны як свойства суверэнасці, фактычна аб'ядноўвала дзяржаўную ўладу не з уласнымі інстытутамі, а з іх носьбітам. Суверэнітэтам валодаў дзяржава, а дзяржаўныя, і ад іх імя аб'яўлялася вайна ці ўсталяваўся мір ці заключалася перамір'е, таму смерць аднаго з іх вела да перагляду ўсёй сумы правоў адносін з монархіямі суседзямі. У 1505 г. памёр Іван III, праз год памёр з жыцця Александр Казіміравіч. Новыя вялікія князья Васіль III і Сігізмунд I аказаліся перад неабходнасцю стварэння новай сістэмы правоў адносін паміж сваімі монархіямі, у тым ліку і ў пытаннях вайны, таму што «іно дзяржава ў ўсім з'яўляецца свому Александру перамірныя гады па яго жыццю правіла, а з Жыхадимонтом каралём дзяржаве перамір'я не бывала; а міру і добрыя смолвы дзяржава з Жыхадимонтом хоча, як будзе прыгожа»⁴.

Змяненне правоў адносін не наступіла, і Вільню і Маскву заставаў у стане вайны, кіруючыся іх прававымі традыцыйнымі нормаў. Гэтыя нормы прадбачалі строгае выкананне ўмоў капітуляцыі і іншых дамоўленасцей. У 1514 г. войскам Васілія III сдался Смаленск на ўмовах свабоднага выхаду ўсіх жадаючых, хто не хацеў прымаць падданства маскоўскага князя, у межы ВКЛ, у тым ліку простых

¹ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 11–12. С. 251–252.

² ПСРЛ. Т. 32. С. 99.

³ ПСРЛ. Т. 8. С. 253.

⁴ Памятнікі дыпламатычных сношэнняў Маскоўскага дзяржавы з Польска-Літоўскім. С. 48.

горожан, солдат гарнизона и коменданта города. И действительно, Василий III «... и служилых людей и мещан, комуждо по его пригожеству, такоже и гетманов жолнырских и жолнырей жаловал; а королева наместника пана Юриа Сологубовича отпустил к его государю королю, и проводите его велел до Орши»¹. Таких же принципов придерживалась и противоположная сторона. 16 июля 1535 г. на аналогичных условиях великий гетман Юрий Радзивилл принял капитуляцию Гомеля, в котором «... князь Дмитрий Щепин-Оболенский не храбр и страшлив, видел людей многих и убоаяся, из града побегал, и дети боярские с ним же и пищальники, а град сдав Литовским людем»².

Традициям были подчинены и сами военные действия в поле при осаде городов, при этом всякие отступления от этих традиций и тем более тактические нововведения воспринимались очень болезненно, особенно проигравшей стороной. Поражение под Оршей 8 сентября 1514 г. московская сторона объясняла тем, что «придоша на них безвестно королевы воеводы... с многими

В НАРРАТИВНЫХ И АКТОВЫХ ИСТОЧНИКАХ ВКЛ ПОСТОЯННО ПОДЧЕРКИВАЕТСЯ И ОСУЖДАЕТСЯ СПОСОБ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ МОСКОВСКИМИ ВОЕВОДАМИ, НИЧЕМ НЕ ОТЛИЧАЮЩИЙСЯ ОТ ТАТАРСКИХ НАБЕГОВ

людьми и с пушками и с пищальями, по изменникове по князь Михаилове Глинского ссылке...»³. Когда летом 1535 г. союзная армия ВКЛ и Польского королевства осадила Стародуб и стала подводить сапу под городские укрепления, то защитники города «... того лукавства подкопывания не познали, что наперед того в наших странах не бывало подкопывания»⁴. В свою очередь поражение в битве на Ведроше 14 июля 1500 г. литовская сторона объясняла численным перевесом противника и тактическими просчетами гетмана Константина Острожского, который «... ишол просто, хотячи з Москвою звести битву, тягнул з войском своим две миле тесным лесом и дорогою болотного...»⁵. В нарративных и актовых источниках ВКЛ постоянно подчеркивается и осуждается способ ведения войны московскими воеводами, ничем не отличающийся от татарских набегов.

По правилам рыцарской войны, которых в большей или меньшей степени старались придерживаться враждующие стороны, недопустимым и недостойным считалось умерщвление раненых, молящих о пощаде, безоружных и лишенных возможности защищаться. В войнах между христианами постепенно отпадал обычай обращать пленных в рабство, хотя в московской правовой традиции, закрепленной Судебником 1497 г (ст. № 20), плен являлся источником полного холопства. «С упомянутыми

¹ ПСРЛ. Т. 8. С. 256–257.

² Там же. С. 290.

³ Там же. С. 258.

⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 87.

⁵ ПСРЛ. Т. 32. С. 100.

литовскими пленными, – сообщал современник, – москвит обошелся весьма жестоко, держа их в самых тяжелых оковах»¹. Не лучшим было положение и московских узников. Военнопленных старались переместить в глубинные районы страны. В ВКЛ их, как правило, размещали в замках Подляшья, а в Московском государстве – в Вологде и Нижнем Новгороде. Хотя условия содержания и были тяжелыми, на пленных выделялись деньги, по особому распоряжению государей с ними могли видаться дипломаты как с той, так и с другой стороны, в отдельных случаях их отпускали на свободу².

Войны, как известно, всегда заканчиваются заключением мирного договора. В нашем случае это был «мир вечный» (1494, 1508 гг.) либо перемирия 1503, 1522, 1537 гг., которые заключались на определенный срок («От Благовещеньева дни лета семь тысяч первогонадесять до Благовещеньева дни лета семь тысяч седмагонадесять» или «От Рождества Христова лета 7031 до Рождества Христова лета 7036»), а затем продлевались по его истечению. Прекращение войны фиксировалось «перемирной грамотой», содержащей обязательную преамбулу – «чтобы между христианскими государями были мир да любовь и чтобы кровь христианская не лилась, а рука бесерменская не высилась». Ратификация грамот через «крестное целованье» проходила в Москве и Вильно, после чего они попадали в великокняжеский архив посольских книг польского двора и, соответственно, в архив государственной канцелярии ВКЛ. В отдельных случаях монархи ВКЛ прибегали к услугам посредников. В 1503 г. в этой роли выступил представитель Венгерского и Чешского королевства Сигизмунд Сантай, а в 1517 и 1526 гг. – дипломат Священной Римской империи Сигизмунд Герберштейн, который без особых результатов пытался вовлечь великих московских князей в антитурецкую лигу и помирить с последними Ягеллонами.

В означенный конфронтационный период взаимоотношений между Вильно и Москвой продолжает набирать силу процесс постепенного перехода «права войны» из сферы политики и военного искусства в области международного права. Это проявляется в установлении строгой регламентации объявления войны с изложением причин территориальных притязаний равноправия воюющих сторон и применения к ним институтов постлиминизма и посредничества, а также необходимости парирования взаимных обвинений в несоблюдении обычаев войны перед лицом нейтральных государств. В данном историческом контексте война несет в себе все признаки юридического процесса.

В ВКЛ «ПРАВО ВОЙНЫ» ВСЕ БОЛЬШЕ РАЗВИВАЕТСЯ В РУСЛЕ ХРИСТИАНСКО-КАТОЛИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ С ОПОРОЙ НА ВЫВОДЫ ТОЛКОВАТЕЛЕЙ-КАНТОНИСТОВ ПАПСКИХ БУЛЛ И ДЕКРЕТАЛИЙ

¹ Герберштейн Сигизмунд. Записки о Москве. С. 67.

² Сидоренко Б. И. Об одном эпизоде войны Москвы с Казанью 1505–1506 годов... С. 126–127.

В ВКЛ «право войны» все больше развивается в русле христианско-католических традиций с опорой на выводы толкователей-кантонистов папских булл и декреталий. Оно опосредованно оказывает влияние на сеймовые постановления, привелей 1506 г., «попис» войска 1528 г., раздел «Об обороне земской» Первого Статута ВКЛ 1529 г. В Московском государстве эта отрасль права получает дополнительные импульсы развития из внешнеполитических доктрин, сформировавшихся в определенных кругах светской и духовной элиты, и косвенно воздействует на разработку «государевых разрядов» – росписи вооруженных сил страны и отдельных статей Судебника 1497 г. Не следует забывать и о том, что исследуемый период – это преддверие Нового времени, когда наступит качественно новый этап в развитии «права войны» как категории международного права. В этой связи нормы и правила, которых стремились придерживаться ВКЛ и Московское государство в период своего противостояния, не только способствовали их закреплению в юридической практике ведения войны, но и обогащали общеевропейскую правовую традицию, отраженную впоследствии в трудах Альберико Джентили (1552–1608 гг.) и Гуго Гроция (1583–1645 гг.).

Список использованных источников

1. *Базилевич, К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века / К. В. Базилевич. – М.: Изд-во МГУ, 1952. – 541 с.*
2. *Библиотека литературы Древней Руси. В 20 т. / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева и др. – СПб.: Наука, 1997–.*
3. *Блок, Марк. Апология истории или ремесло историка / Марк Блок. – М.: Наука, 1986. – 254 с.*
4. *Бычкова, М. Е. Русское государство и Великое княжество Литовское с конца XV века до 1569 г. Опыт уравнительно-исторического изучения политического строя / Е. М. Бычкова. – М.: Инст. Российск. Истории РАН, 1996. – 173 с.*
5. *Герберштейн, Сигизмунд. Записки о Московии / Сигизмунд Герберштейн. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 429 с.*
6. *Граля, И. «Мы с вами – один народ». Православная элита ВКЛ и Москва в XVI веке. / И. Граля (Варшава) // Родина. – 2006. – № 4. – С. 31–35.*
7. *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–*

- XVI вв. – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – № 53. – С. 384.
8. Зуев, А. С. Присоединение Чукотки к России / А. С. Зуев. – Новосибирск: СО РАН, 2009. – 132 с.
  9. Кардини, Ф. Истоки средневекового рыцарства / Ф. Кардини. – М.: Прогресс, 1987. – 384 с.
  10. Ключевский, В. О. Курс русской истории / В. О. Ключевский. – Сочинения. – Т. II. Ч. 2. – М.: Изд-во «Мысль», 1988. – 446 с.
  11. Кром, М. М. Православные князья в Великом княжестве Литовском в начале XVI века / М. М. Кром // Отечественная история. – 1992. – № 4. – С. 145–154.
  12. Кустарев, А. Война после войны / А. Кустарев // Знание – сила. – 1999. – № 5–6. – С. 34–37.
  13. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. I (с 1487 по 1533 год) / Изд. под ред. Г. Ф. Карпова. – Сборник Императорского русского исторического общества. – Т. 35. – СПб.: Типография Ф. Г. Елконского и К°, 1882. – 869 с.
  14. Повести и сказания Древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева; сост. Н. В. Поньрко. – М.: СПб.: Диля, 2001. – 1148 с.
  15. Повесть временных лет / Под ред В. П. Адриановой-Перетц. – СПб.: Наука, 2007. – 667 с.
  16. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). – Т. 8.: Воскресенская летопись. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 301 с.
  17. ПСРЛ. – Т. 11–12: Патриаршая или Никоновская летопись. – Изд-во Акад. наук СССР. Ин-т истории. – М.: Наука, 1965. – 266 с.
  18. ПСРЛ. – Т. 13: Патриаршая или Никоновская летопись. – Изд-во Акад. наук СССР. Ин-т истории. – М.: Наука, 1965. – 532 с.
  19. ПСРЛ. – Т. 32: Хроника Литовская и Жмойтская. – Хроника Быховца. – Баркулабовская летопись. – Изд-во Акад. наук СССР. Ин-т истории. – М.: Наука, 1975. – 234 с.
  20. Сідарэнка, Б. І. Усходняя палітыка ВКЛ у першай трэці XVI стагоддзя / Б. І. Сідарэнка // Беларускі гістарычны часопіс. – 2000. – № 3. – С. 41–45.
  21. Сидоренко, Б. И. Об одном эпизоде войны Москвы с Казанью 1505–1506 годов: военнопленные из ВКЛ при обороне Нижнего Новгорода осенью 1505 года / Б. И. Сидоренко // Научные труды Могилевского филиала БИП: Право. Политика. Экономика. – МФ ЧУО БИП. – Вып. 9. – Могилев, 2010. – С. 122–127.
  22. Сидоренко, Б. И. Современная белорусская историография «русско-литовских» войн конца XV – первой трети XVI века / Б. И. Сидоренко // Гістарыяграфія гісторыі Беларусі, новай і наваейшай гісторыі краін Еўропы і ЗША: матэрыялы Рэсп. навук. – тэарэт. канф., г. Мінск, 28.03.2008 г. – ч. 1. – Мінск: БДПУ, 2008. – С. 37–40.
  23. Сидоренко, Б. И. Современная российская историография «русско-литовских» войн конца XV – первой трети XVI века / Б. И. Сидоренко, П. Ф. Дмитричков // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. – 2009. – № 4 (34). – С. 8–13; 2010. – № 2 (36). – С. 15–20.
  24. Слово о полку Игореве. 800 лет: Сборник / Под ред. И. И. Шкляревского (гл. ред), Д. С. Лихачева и др. – М.: Советский писатель, 1986. – 575 с.
  25. Флоря, Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI века – начале XVII века / Б. Н. Флоря. – М.: Наука, 1978. – 300 с.
  26. Хорошкевич, А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI века / А. Л. Хорошкевич. – М.: Наука, 1980. – 293 с.

Дата паступлення ў рэдакцыю 23.05.2014.